

Третий рейх, «умиротворители», малые страны и СССР накануне Второй мировой войны

Л. М. Воробьева*

На пути к «Мюнхенскому сговору»

Во внешней политике период диктатуры Улманиса характеризовался растущей зависимостью Латвии от Германии и риском превращения правительства страны в марионетку в руках Гитлера. Такой внешнеполитический курс был обусловлен рядом субъективных и объективных факторов. Среди них важно выделить следующие.

- Ненависть латышской правящей элиты к СССР и стремление воздвигнуть непреодолимый барьер между Латвией и Советским Союзом, чтобы не допустить у себя в стране восстановления советской власти.
- Абсолютизация западного вектора во внешней политике и внешней торговле Латвии, что вело к тотальной зависимости страны от ведущих западных держав и суживало свободу манёвра при отстаивании национальных интересов.
- Отказ ведущих западных держав от создания «большого альянса» с СССР против агрессивных устремлений Гитлера и выбор в пользу политики, имеющей целью столкнуть в смертельной схватке Германию и Советский Союз.
- Превращение Германии в доминирующую политическую силу в Европе в результате попустительства Великобритании и Франции.
- Завоевание германским капиталом господствующего положения в Латвии, что явилось мощным средством экономического и политического воздействия на эту страну.
- Формирование в Латвии «пятой колонны» гитлеровской Германии из числа местных немцев, сохранивших экономические и политические позиции в стране и обладавших сплочёнными политическими организациями.
- Осознание прибалтийскими странами, что после самовольного «аншлюса» Гитлером Австрии и беспроblemного расчленения, а затем захвата Чехословакии в Европе возникла ситуация, в которой малые страны не могут рассчитывать на помощь ни со стороны западных держав, ни со стороны Лиги Наций.
- Стремление Улманиса, обогащённого опытом «сотрудничества» с немцами в 1917–1919 гг., снискать расположение Германии, в надежде на то, что Гитлер в ходе реализации своих целей в Прибалтике пощадит его и не заменит новым ставленником из числа латвийских немцев.

В то же время действовали факторы, ограничивавшие безусловную ориентацию Латвии на Германию. Во-первых, политика Гитлера на балтийском направлении явно не отвечала национальным интересам Латвии, ставила под угрозу суверенное существование этой страны, сохранение и свободное развитие латышского народа. Во-вторых, прогерманская политика правительства Улманиса не имела поддержки среди народа и расценивалась им как капитулянтская и предательская, тем более что гитлеровская Германия не скрывала своих намерений в отношении Прибалтики. В-третьих, внешняя политика СССР, направленная на сохранение мира в Прибалтике и недопущение агрессии в этом регионе, объективно отвечала интересам Латвии, латышей и других населявших ее народов. В силу этих обстоятельств прогерманский курс Латвии носил противоречивый характер, а правительство К. Улманиса нередко было вынуждено делать робкие шаги навстречу внешнеполитическим инициативам Советского Союза.

В декабре 1933 г. Советское правительство выдвинуло предложение о заключении Восточного

* Людмила Михайловна Воробьева — ведущий научный сотрудник РИСИ (Российский институт стратегических исследований), доктор политических наук.

пакта, т. е. многостороннего регионального договора о взаимопомощи в целях защиты от агрессии. Этот пакт отвечал интересам Латвии и других прибалтийских государств, так как, в случае принятия, он укрепил бы их международное положение и безопасность. Документ не был подписан из-за позиции Германии, Польши, Финляндии, а также Франции и Великобритании. Что касается официальной Латвии, то она в целом одобрила этот пакт, но свою подпись под ним поставила в зависимость от готовности Германии присоединиться к данному договору. Такой подход был равносителен отказу. В то же время в ходе переговоров по пакту (1933–1935 гг.), предельно обнаживших позиции и намерения сторон, латвийское правительство начало изучать вопрос о подписании с Советским Союзом соглашения, аналогичного советско-французскому и советско-чехословацкому договорам о взаимопомощи, заключённым в 1935 г. Под давлением Германии, Польши и Эстонии, а также Великобритании Рига отказалась от этого плана. Однако постановка и обсуждение этого вопроса явились своего рода подготовительным этапом к заключению осенью 1939 г. Москвой соответствующих договоров с прибалтийскими странами.

Примечательно, что контакты между СССР и Латвией, завязавшиеся в процессе переговоров по Восточному пакту, получили продолжение в последующие годы. Они сообщили импульс установлению некоторых связей между военными кругами Советского Союза и Латвии и способствовали активизации дипломатических, хозяйственных и культурных контактов сторон. Это относительное советско-латвийское сближение нашло заметную поддержку населения Латвии, видевшего во взаимодействии с СССР важное условие противодействия планам Гитлера в отношении Прибалтики.

Дальнейшему укреплению авторитета СССР и росту симпатий к нему среди населения прибалтийских стран во многом способствовала реакция Советского правительства на действия Германии и Польши, ставших с весны 1938 г. на путь открытой агрессии. Так, в ответ на «аншлюс» Австрии, совершённый Гитлером, Москва выступила с предложением о немедленном обсуждении в рамках Лиги Наций или вне её практических мер по предотвращению дальнейшего развития агрессии. Кроме того, своими энергичными действиями СССР способствовал предотвращению одновременного нападения на Литву в марте 1938 г. со стороны Польши и Германии.

В сентябре 1938 г. Советское правительство столь же активно выступило в поддержку Чехословакии, оказавшейся перед угрозой вторжения германских и польских войск. Москва считала, что расчленения Чехословакии можно было бы не допустить, если бы Великобритания и Франция действовали единым фронтом с СССР.

Комментируя мюнхенский акт попустительства Великобританией и Францией агрессивным планам

Гитлера, Сталин сказал, что «немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»¹. К такому же выводу пришли в 1940-е гг. и американские исследователи М. Сейерс и А. Кан в своей книге «Тайная война против Советской России». О Мюнхене они писали следующее: «Правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Англии и Франции подписали мюнхенское соглашение, — сбылась мечта об антисоветском «Священном союзе», которую мировая реакция лелеяла ещё с 1918 г. Соглашение оставило СССР без союзников. Франко-советский пакт — краеугольный камень коллективной безопасности в Европе — был похоронен. Чешские Судеты стали частью нацистской Германии. Перед гитлеровскими полчищами широко открылись ворота на восток»².

Попустительствуя фашистской Германии, правящие круги в Англии и Франции хорошо знали основное направление гитлеровской внешней политики. О ней сам Гитлер сказал следующее: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под направлением нашей внешней политики в довоенное время. Мы начинаем с того, на чём остановились шесть веков тому назад. Мы приостанавливаем вечное стремление германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор на земли на востоке. Мы порываем, наконец, с колониальной торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего. Но когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России и подвластных ей пограничных государствах. Кажется, что сама судьба указывает нам путь»³.

30 сентября 1938 г. в Мюнхене британским премьер-министром Чемберленом и нацистским лидером Гитлером была подписана англо-германская декларация. В ней, в частности, говорилось: «Вопрос германо-британских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы. Мы рассматриваем подписанное вчера вечером германо-британское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда не вести войну друг против друга. Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе»⁴.

6 декабря 1938 г. министрами иностранных дел Франции и Германии Боннэ и Риббентропом была подписана франко-германская декларация, аналогичная англо-германской. В этой декларации заявлялось, что германское и французское правительства единодушно пришли к убеждению, что мирные и добрососедские отношения между Германией и Францией являются одной из существенных предпосылок консолидации отношений в Европе и сохранения всеобщего мира и что оба правительства приложат все усилия, чтобы обеспечить поддержание таких

отношений между своими странами. Декларация констатировала, что между Францией и Германией нет больше никаких спорных вопросов территориального характера, и что существующая граница между их странами является окончательной. В заключение в декларации подчёркивалось, что оба правительства твёрдо решают, не касаясь особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, касающимся их стран, и совещаться между собой в случае, если бы эти вопросы в своём дальнейшем развитии могли привести к международным осложнениям.

Советская сторона квалифицировала обе эти декларации, подписанные Англией и Францией, как, по существу дела, пакты о взаимном ненападении. С помощью мюнхенского и этих соглашений английское и французское правительства стремились отвести угрозу от своих стран и открыть ворота для гитлеровской агрессии на восток, в направлении Советского Союза.

Что касается Латвии и других прибалтийских стран, то они облегчили задачи Гитлера, заявив в сентябре 1938 г. о своём нейтралитете и отказавшись от выполнения условий статьи 16 устава Лиги Наций (о военных санкциях в отношении агрессора и, в частности, о пропуске через свою территорию иностранных войск). Аналогичные заявления сделал и ряд других стран, например, Польша, Швеция. В результате и без того пошатнувшееся значение Лиги Наций было существенно подорвано, а Германия добилась желаемого, т. е. обеспечения возможности захватывать страны Европы по одиночке, не встречая организованного сопротивления других государств.

После мюнхенской сделки Советский Союз оказался в положении опасной международной изоляции. Фактически перестал существовать советско-французский договор о взаимопомощи. Правительства Англии и Франции открыто заявляли, что не желают иметь с СССР ничего общего. Отвергая политику коллективной безопасности, на которой настаивал СССР, Лондон и Париж перешли на позицию «невмешательства». По поводу такой политики Сталин сказал следующее: «Политику невмешательства можно было охарактеризовать таким образом: пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами. На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение её в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить своё чёрное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а ещё лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить

друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»⁵.

«Мюнхенский сговор» подорвал доверие Советского правительства к Великобритании и Франции. Свою последующую политику оно стало строить с учётом уроков Мюнхена и, в частности, с допущением возможности нового умышленного предательства со стороны британских и французских правящих кругов.

После Мюнхена влияние Великобритании и Франции в европейских делах значительно ослабло, зато серьёзно укрепились стратегические позиции Германии, которая восприняла уступки Лондона и Парижа как проявление слабости. Возможности своего выживания на стороне Германии стали зондировать многие малые страны Европы. Представители правящих кругов Латвии пришли к выводу, что новая политическая система требует от них скорейшего установления более тесных связей с Берлином и вхождения в состав создаваемой Гитлером так называемой «новой Европы». «На наших глазах рождается новая Европа, — писал министр иностранных дел Латвии Мунтерс. — Мы шли в ногу с эпохой и в области культуры, и в области хозяйства, и в области государственной организации, и, наконец, также в понимании социальной системы. Мы должны включиться в новую Европу также в области внешней политики»⁶.

О том, что это означает на практике, поведал в начале октября 1938 г. германский посланник в Риге Котце своему американскому коллеге Уилли. По признанию немецкого дипломата, многие члены латвийского правительства «желают полностью отдать Латвию в руки немцев», «просить Германию взять её под свой протекторат»⁷.

Совершенно противоположной была реакция на усиление Германии со стороны широких масс населения прибалтийских стран. О просоветских настроениях, в частности, в Латвии свидетельствуют представители дипломатических миссий в Риге, а также донесения агентов политического управления. Например, советник германской миссии, касаясь настроений латышей, сетовал в беседе с американским посланником, что 80% латышей симпатизируют СССР⁸. Это подтверждал и французский посланник в Латвии Трипье. «Я знаю, — сказал он, — что латыши пойдут с Советским Союзом, а если на них нападут, то они уйдут в СССР; так говорят все слои, кроме богатых»⁹. Осенью 1938 г. политуправление констатировало, что «рабочие настроены крайне враждебно к гитлеровской Германии, и своим единственным спасителем они считают СССР»¹⁰.

15 марта 1939 г. Германия ликвидировала Чехословакию как самостоятельное государство и завладела её ресурсами. Только Советское правительство в своей ноте от 18 марта 1939 г. осудило захват Чехословакии как акт произвола, насилия, агрессии,

совершённый Гитлером при пособничестве Англии и Франции. Немцы захватили в Чехословакии большое количество военной техники и снаряжения, которое оценивалось как достаточное для оснащения 30–35 дивизий¹¹. Затем Германия заключила экономическое соглашение с Румынией, поставившее народное хозяйство и ресурсы этой страны на службу агрессивным целям Берлина. 22 марта 1939 г. под угрозой военного вторжения Германия заставила Литву подписать договор о передаче рейху своего единственного крупного портового города Клайпеды (Мемель). За несколько дней до захвата Клайпеды (16 марта 1939 г.) советник министерства пропаганды Германии Бемер прямо заявил латвийскому посланнику в Берлине, что Латвия должна следовать за Германией и тогда немцам не надо будет заставлять её «становиться под защиту фюрера при помощи силы»¹².

28 марта 1939 г., чтобы предупредить возможных агрессоров и поддержать дух сопротивления в прибалтийских странах, советское правительство передало официальным Риге и Таллину заявление. В нём подчёркивалось, что СССР придаёт огромное значение предотвращению установления германского господства над прибалтийскими государствами, так как это противоречило бы как интересам народов этих стран, так и жизненным интересам советского государства. Советское правительство указывало, что оно не может оставаться безучастным зрителем захвата Прибалтики и в случае необходимости готово доказать это на деле¹³.

Однако руководство Латвии, по-видимому, предпочитало капитулировать перед Германией. Министр иностранных дел В. Мунтерс в речи 3 апреля 1939 г. уже открыто заявлял: «Мы признаём и уважаем громадную политическую роль Германии в нашей части Европы»¹⁴. А министр общественных дел А. Берзиньш, он же руководитель националистической военизированной организации айзсаргов, на закрытом собрании актива этой структуры в марте 1939 г. утверждал, что малые страны не имеют никаких перспектив в будущем на сохранение своей независимости и должны присоединиться к какой-либо державе. Так как Латвии ближе западноевропейская культура, то, по словам Берзиня, она должна присоединиться к Германии¹⁵.

В условиях роста антигитлеровских настроений в Латвии такая политика не встречала поддержки народа. Начальник Тукумской уездной полиции 4 апреля 1939 г. доносил в Министерство внутренних дел Латвии, что в связи с захватом Гитлером Чехословакии и Клайпедского края «заметно усилилась вражда населения к Германии». Начальник политического управления Лиепайского района свидетельствовал 20 марта, что среди населения проявляются «резкие антигерманские настроения», что крестьяне готовы бороться с немцами «хотя бы с косами в руках». «Говорят также, — писал он, — что латвийское пра-

вительство слишком подчиняется влиянию Гитлера. Это порождает подозрения, что оно проводит общую с Германией политику»¹⁶.

Советский Союз, располагавший сведениями о планах Гитлера, неоднократно предлагал Англии и Франции вступить в переговоры с целью заключения договора о взаимной помощи, включая и военные обязательства в случае германской агрессии. Однако Англия и Франция тянули время. Англо-франко-советские (или тройственные) переговоры были начаты только в марте 1939 г. и продолжались около четырёх месяцев¹⁷. Согласие ведущих европейских держав на переговоры объяснялось несколькими причинами. Во-первых, правительства обеих западных держав не могли не считаться с общественным мнением в своих странах, склонявшимся к решительным мерам по обузданию агрессора. Во-вторых, несмотря на жертвы, принесённые в рамках мюнхенской политики, поведение Гитлера становилось всё более вызывающим и опасным, и это требовало усиления англо-французской позиции в продолжавшемся торге с ним. И, в-третьих, признавалась необходимость мер перестраховки на случай, если планы достижения соглашения с Гитлером сорвутся, и война с Германией станет неизбежной.

Программа СССР в ходе переговоров сводилась к трём пунктам.

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии.
2. Гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны.
3. Заключение конкретного военного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров¹⁸.

Согласно мнению английского журналиста И. Колвина, «советские предложения были больше того, что Чемберлен мог проглотить»¹⁹. Дело в том, что реализация этих инициатив могла способствовать не только безопасности восточноевропейских государств, но и безопасности СССР, а это в планы Великобритании не входило, поскольку она придерживалась принципа: «чтобы жила Британия, большевизм должен умереть»²⁰. Поэтому на гитлеровскую Германию, делавшую ставку на уничтожение СССР и раздувавшую тезис об «угрозе большевизма», правительство Великобритании смотрело как на естественного союзника в доведении до конца миссии, которая не удалась в 1918–1920 гг.

Характеризуя поведение британского правительства, английский историк Ф. Ротштейн писал: «Пожалуй, во всей истории дипломатии (включая политическую подготовку народа внутренней пропагандой) не было такого примера длительного подталкивания

агрессора (с 1935 по 1939 г.) к нападению на государство, которое уже давно было избрано правящим классом Великобритании в качестве мишени (1926 г., 1933 г. и т. д.)»²¹. Ни Англия, ни Франция не хотели никакого соглашения с СССР и потому блокировали принятие решений по существенным вопросам путём внесения мелких поправок и выдвижения бесчисленных «пустых» вариантов.

Между тем международная обстановка требовала незамедлительных решений, поскольку в это время Германия усиленно готовилась к нападению на Польшу. Другим фактором, существенно повлиявшим на развитие переговорного процесса, явились контрмеры германской дипломатии с целью предотвращения англо-франко-советского союза. Они предпринимались на трёх направлениях: балтийском, британском и советском и предусматривали вбивание клина во фронт неагрессивных государств.

Камнем преткновения стал вопрос о предоставлении гарантий безопасности прибалтийским государствам. Таких обязательств британское правительство брать на себя не желало, ведь они ставили заслон политике развязывания рук Гитлеру и направления его агрессии на восток, к границам Советского Союза. Чтобы снять вопрос о гарантиях, Берлин оказал давление на правительства Латвии и Эстонии. 18 апреля 1939 г. они заявили, что нет оснований говорить об угрозе для их стран со стороны Германии, послали в Берлин своих представителей на пышные торжества по случаю 50-летия Гитлера, а затем 7 июня 1939 г. подписали с Германией договоры о ненападении²². При этом министры иностранных дел обоих государств сделали заявления, в которых они отказывались от англо-франко-советских гарантий и обязывались самостоятельно заботиться о сохранении политической независимости своих государств и придерживаться строгой политики нейтралитета²³.

Несамостоятельность и неадекватность этих заявлений и обязательств была очевидна ввиду слабого военного потенциала латвийской и эстонской армий. Вместе с тем вопрос о гарантиях оставался на повестке дня вплоть до окончания тройственных переговоров. Великобритания соглашалась на предоставление гарантий прибалтийским странам только в случае вооружённой агрессии и отказывала им в поддержке при косвенной агрессии (т. е. по примеру сдачи Чехословакии правительством Гахи), хотя именно на путях косвенной агрессии Гитлер и намеревался прибрать к рукам Прибалтику.

Деструктивная позиция английской делегации в Москве объяснялась также успешностью тактики немецкой дипломатии, которая предполагала разединение возможных противников путём сговора с одними против других. Преследуя свои цели, Германия охотно пошла на тайные переговоры с Великобританией, которая хотела заключить «широкое соглашение» с немцами за счёт жертв их будущей агрессии на востоке. Стремление к такому соглашению

делало невозможным союз с СССР, который фигурировал в британских ожиданиях как основной объект разрушения в ходе германского «Drang nach Osten».

Советская делегация стала подозревать, и не без основания, что переговоры ведутся западными партнёрами исключительно ради переговоров. «Мне кажется, — писал А. А. Жданов в газете «Правда» 29 июня 1939 г., — что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы... облегчить себе путь к сделке с агрессором». Для СССР было важно, чтобы подписание политического соглашения произошло одновременно с заключением военной конвенции, с тем чтобы предоставляемые гарантии обеспечивались в том числе и военной силой. Однако конкретные инициативы советской стороны не нашли поддержки западных держав. Речь, в частности, шла о возможности использования английского и французского флотов в защите балтийского побережья, а также о достижении договорённости с прибалтийскими странами о временном размещении флотов Англии, Франции и СССР в портах Латвии и Эстонии в целях охраны нейтралитета этих стран от угрозы со стороны Германии. На этом этапе Москва была готова на сохранение «контролируемого нейтралитета» прибалтийских стран с перспективой их перехода в союзный лагерь.

Поскольку СССР не имел общих границ с Германией, то эффективное военное сотрудничество трех государств требовало также решения вопроса о проходе советских частей через определённые районы Польши, с тем чтобы войти в соприкосновение с немецкими войсками в случае их нападения на гарантируемые государства. Однако польские власти всё ещё не оставляли надежды договориться с Германией и объясняли занятую позицию своими негативными подозрениями и предубеждениями в отношении Москвы. Они высказались против упоминания Польши в договоре трёх держав и не дали согласия на проход советских войск через свою территорию. Тем самым и они внесли свою лепту в недопущение англо-франко-советского военного соглашения. В случае же его принятия (что, впрочем, было маловероятно) немецкое нападение на Польшу могло быть предотвращено, так как одновременная война на два фронта после опыта Первой мировой войны принципиально исключалась Гитлером.

Комментируя позицию Варшавы, французский историк М. Мурен высказал мнение, что польский министр иностранных дел Ю. Бек надеялся на германо-русское столкновение и считал, что Польша от этого не пострадает²⁴. Что касается Англии и Франции, то они ничего не предприняли, чтобы убедить Польшу занять реалистичную позицию. В результате московские переговоры военных миссий трёх держав зашли в тупик.

Провал переговоров не был случайным, поскольку контактам с Берлином Лондон придавал

несравненно большее значение, чем параллельной работе своих делегаций в Москве. Английские дипломаты выражали готовность договориться с Германией по всем вопросам, «внушающим миру тревогу». О программе англо-германских переговоров можно судить по речи министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса, произнесённой 29 июня 1939 г. на банкете в Королевском институте международных отношений. Обращаясь к представителям Германии, он заявил: «Мы могли бы обсудить колониальную проблему, вопрос о сырье, о торговых барьерах, о «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и все другие вопросы, затрагивающие европейцев».

Английский министр по делам заморской торговли Хадсон и ближайший советник Чемберлена Вильсон предлагали уполномоченному Гитлера Вольтату, а затем германскому послу в Лондоне Дирксену начать англо-германские секретные переговоры о заключении широкого соглашения. Оно должно было включать соглашение о разделе сфер влияния в мировом масштабе и об устранении «убийственной конкуренции на общих рынках». При этом предусматривалось предоставление Германии преобладающего влияния в Юго-Восточной Европе. Таким образом, усилия английской дипломатии были направлены на обеспечение прочных договорённостей с Германией и на «канализацию» германской агрессии на восток против Польши, недавно получившей гарантии, и против СССР. Германско-советское столкновение обескровило бы обе стороны, повторив ситуацию Первой мировой войны.

Нацистские лидеры были заинтересованы в тайных переговорах с британской стороной, но вовсе не желали быть орудием в руках Англии и Франции и не собирались свои агрессивные планы борьбы за «жизненное пространство» соотносить с интересами западных держав. Хотя пропагандистская машина Запада неустанно твердила о слабости Красной Армии, о непрочности советского тыла, о том, что СССР — колосс на глиняных ногах, Гитлер считал, что пока не готов к войне с Советским Союзом. Принимая во внимание богатые природные ресурсы советской страны и глубину её оперативного пространства, он полагал необходимым продолжить наращивание германской военной мощи и подготовку к мировой войне. Этот план уже исключал бескровные победы и требовал обстрелять солдат вермахта в локальных конфликтах. Поэтому требования уступки «польского коридора», или Данцига, были уже пройденным этапом в германско-польских отношениях. Теперь немцы хотели войны с Польшей, которую рассчитывали победоносно завершить до наступления осенней распутицы. Одновременно ими намечался также захват прибалтийских государств²⁵.

После присоединения этих стран к германскому «жизненному пространству» и укрепления тыла на востоке и северо-востоке предполагалось перебро-

сить войска на запад и обрушить всю мощь удара на Францию. Как и в случае с Чехословакией, Гитлер делал ставку на изоляцию своих жертв. Он был уверен, что при нападении немецких войск на Польшу Великобритания и Франция будут придерживаться оборонительной тактики и не окажут Варшаве военной помощи. Поэтому основное внимание было уделено нейтрализации Советского Союза. С этой целью, согласно выражению статс-секретаря МИДа Германии Э. Вайцзеккера, «немцы начали ухаживать за русскими»²⁶.

Хотя Москва испытывала обоснованное недоверие к западным партнёрам и была хорошо осведомлена о тайных контактах Лондона и Парижа с Берлином (в том числе благодаря утечкам информации, организованным германской стороной), она всё же не оставляла надежды на заключение англо-франко-советского соглашения. Поэтому в течение мая, июня, июля и первой половины августа 1939 г. советское руководство весьма холодно и настороженно относилось к инициативным предложениям немцев по «нормализации германско-советских отношений». В Москве квалифицировали германские инициативы как провокацию, попытку сорвать тройственные переговоры и склонить Лондон к активизации контактов с Берлином. И это при том, что Германия, по свидетельству советского поверенного в делах в Берлине Г. А. Астахова, «ради предотвращения эвентуального англо-франко-советского военного соглашения была готова на такие декларации и жесты, которые полгода тому назад могли казаться совершенно исключёнными»²⁷.

Советско-германский договор о ненападении

23 августа 1939 г. в Москву, имея директиву Гитлера как можно скорее подписать договор о ненападении и дополнительный секретный протокол, прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. Готовя нападение на Польшу, имевшую общую границу с СССР, нацистский фюрер понимал, что вторгается в сферу национальных интересов Советского Союза, и потому боялся спровоцировать его ответные действия. Чтобы развязать себе руки на Востоке, Гитлер не стал торговаться. Так, Германия снимала с повестки дня «украинский вопрос» как повод для войны и заявляла о своей готовности устранить озабоченности советского правительства, касавшиеся возможности превращения пограничных с СССР государств от Балтийского до Чёрного моря в военный плацдарм Германии для нападения на Советский Союз. Кроме того, Берлин предлагал свои посреднические услуги для нормализации отношений с Японией и выступал инициатором советско-германского кредитного соглашения, по которому был готов предоставить Москве кредит в размере 200 млн. марок на семь лет для закупки германских товаров, включая промышленное обо-

рудование и военные материалы. «Если германские предложения Польше в марте 1939 г. были нарочно сформулированы так, чтобы та не могла принять их, — подчёркивает российский историк В. Я. Сиполс, — то германские предложения Советскому Союзу были подготовлены с таким расчётом, чтобы он не мог отказаться от них»²⁸.

Советское правительство не отвергло предложения из Берлина прежде всего ввиду безуспешности попыток заключить действенное англо-франко-советское соглашение. Сказался и отрицательный опыт поиска взаимодействия с Великобританией и Францией в ходе десятилетней борьбы советской дипломатии за мир и безопасность в Европе. В отличие от Лондона и Парижа, для которых вопрос о безопасности СССР вообще не существовал, Берлин в обмен за нейтралитет Советского Союза в германо-польском конфликте предоставлял ему (на тот момент) гарантии безопасности. Они фиксировались в подписанном 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет советско-германском договоре о ненападении и дополнительном секретном протоколе.

Важно обратить внимание на то, что первоначальный текст проектов обоих документов был составлен германской стороной. В тот исторический период немцы осознавали свою силу и не стеснялись великодержавной лексики. По немецкой же инициативе дополнительному протоколу был присвоен гриф секретности. Это отвечало практике германской дипломатической службы. Например, протоколы к германо-эстонскому и германо-латвийскому договору о ненападении также были засекречены. Что касается германо-советского секретного протокола, то в нём Берлин зафиксировал географическую линию, дальше которой на восток он, учитывая интересы СССР, обязался не передвигать ни свои войска, ни военную инфраструктуру. То есть, немцы пошли на документальное оформление своих односторонних обещаний. При этом нужно отметить, что Сталин не согласился с юридической привязкой секретного протокола к договору и вычеркнул из текста проекта договора постскрипту следующего содержания: «Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»²⁹.

Примечательно, что через 50 лет советское руководство во главе с М. С. Горбачёвым, несмотря на значительные уступки и даже жертвы, не смогло получить от западных демократий документально оформленного обязательства не расширять НАТО в восточном направлении. В 1939 г. речь шла о создании зоны безопасности, препятствовавшей непосредственному выходу Германии к границам СССР. В 1990 г. речь шла о том же самом, хотя и в изменившихся международно-политических условиях: Советский Союз был заинтересован в том, чтобы

военная организация НАТО не оказалась у его границ. И в 1939 г., и в 1990 г. интересы СССР заключались не в разделе сфер влияния, а в обеспечении своей безопасности. «Архитекторы» и «прорабы» горбачёвской перестройки организовали в декабре 1989 г. осуждение секретного протокола к германо-советскому договору от 23 августа 1939 г., но сами не потрудились поставить договорный заслон расширению НАТО в восточном направлении, включая Прибалтику.

Сегодня латвийские историки соревнуются в подборе негативных ярлыков к так называемому «пакту Молотова-Риббентропа». Они, по-видимому, считают, что таким способом им удастся подкрепить «обвинения» в адрес СССР, базирующиеся на весьма шаткой и крайне политизированной конструкции: «советская оккупация», «аннексия», «колонизация» Латвии. Например, член Комиссии историков при президенте Латвийской Республики И. Фелдманис в публикации на сайте МИД Латвии³⁰ не жалеет чёрных красок в своих оценках советско-германского договора о ненападении и секретного протокола к нему. Он квалифицирует эти документы «как противоправную и циничную сделку за счёт шести третьих государств», как «грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств». При этом он утверждает, что советско-германский договор «зажёг зелёный свет для Второй мировой войны» и без него «была бы невозможна полная оккупация прибалтийских государств спустя десять месяцев». С И. Фелдманисом солидарны и другие латышские историки, охотно использующие в своих трудах заезженные пропагандистские штампы типа «Секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении был циничной и противоправной сделкой двух одинаково аморальных политических систем за счёт других государств и народов»³¹.

Латвии в лице её сегодняшних историков, высокомерно обвиняющих другие страны в аморальности, не худо было бы, как иногда советовал баснописец И. Крылов, на себя оборотиться. А вспомнить есть что. Это: и деструктивная роль во время тройственных переговоров, и содержание секретного протокола к германо-латвийскому пакту о ненападении, и ориентация политики Улманиса на фашистскую Германию, и деградация улманисовских элит до пособников нацистов. Список можно продолжить.

Представляется, что весьма убедительную аргументацию неправомочности рассмотрения секретного протокола как преступного акта, якобы совершённого советской стороной, дал В. Я. Сиполс еще в 1997 году³². Он показал, что интересы сторон были разные и даже противоположные. Если Германия, выражаясь дипломатическим языком, стремилась к «территориально-политическому переустройству» в Восточной Европе, то Советское правительство хотело предотвратить Вторую мировую войну. Ввиду тщетности своих мирных усилий оно было

вынуждено встать на реалистическую почву и думать о своей обороноспособности, важным условием которой считало сохранение статус-кво, т. е. самостоятельности государств по периметру своих западных границ, с тем чтобы они не были превращены в плацдарм германской агрессии против СССР.

К тому же формулировка «сфера интересов», которая сейчас активно используется как обвинение в адрес Советского Союза, не входила в советский дипломатический лексикон и не соответствовала советской дипломатической практике. Выступая с мирными инициативами в течение 1930-х гг., СССР никогда и нигде не заявлял о сфере своих интересов. Напротив, он прилагал усилия к созданию коллективной безопасности, считая это залогом своей собственной безопасности. Появление в протоколе формулировки «сфера интересов» связано с тем, что обязательства брала на себя германская сторона и потому излагала их с помощью привычных для себя формулировок, которые, кстати сказать, постоянно фигурировали в англо-германских переговорах летом 1939 г.

В создавшейся накануне Второй мировой войны международно-политической обстановке эти формулировки адекватно отражали расстановку сил в Европе, обнажали сущность ведущих западных стран (Германия стремилась к переделу мира с крупнейшими колониальными державами — Великобританией и Францией) и в этом контексте обеспечивали максимум конкретности. Подходить к ним с позиций сегодняшней политкорректности и современного международного права означало бы игнорировать принцип историзма.

Если бы предложения выдвигались не Германией, а СССР, то они, конечно, формулировались бы иначе. Речь бы шла об обязательности сохранения независимости пограничных государств и заинтересованности в том, чтобы они проводили самостоятельный внешнеполитический курс и не становились орудием в руках агрессоров. Советский Союз принял гарантии в той формулировке, в какой их могла и хотела дать Германия, осознававшая свою силу, но вынужденная маневрировать. Хотя эти гарантии давались агрессором в рамках своих стратегических предпочтений и на свойственном ему языке, однако они содержали однозначный и важный для советского руководства послы: в ближайшей перспективе между Германией и СССР будет сохранено буферное пространство, препятствующее их географическому сближению и обеспечивающее удалённость германских вооружённых сил от жизненно важных центров Советского Союза. Это, в частности, означало, что прибалтийские страны сохраняются как самостоятельные государства.

Заключение с Германией договора о ненападении не было целью внешней политики СССР, а явилось вынужденным шагом в условиях изоляции, в которой оказался Советский Союз вследствие политики Англии и Франции.

А суть их дипломатических маневров заключалась в том, чтобы дать понять Гитлеру, что у СССР нет союзников, что Германия может напасть на Советский Союз, не рискуя встретить противодействие со стороны Англии и Франции. Те, кто заявляет, что Москва всё же не должна была позволить себе пойти на пакт с немцами, игнорируют исторические реальности и находятся в плену антисоветской и антироссийской пропаганды.

Напрашивается вопрос, почему другие европейские страны могли заключать пакты с германским агрессором, а для СССР это считается непозволительным. В этой связи следует напомнить, что Советский Союз самым последним подписал пакт с Германией. Например, Польша пошла на пакт о ненападении с немцами в январе 1934 г., т. е. практически сразу после прихода Гитлера к власти. Англия и Франция подписали с Германией декларации о ненападении в 1938 г. Кроме того, Великобритания в принципе была готова заключить широкое соглашение с Гитлером о разделе сфер влияния. Оно не было подписано только потому, что на тот момент это не входило в планы Гитлера.

СССР пошел на договор с Германией из соображений самообороны и продления мира на известный срок, с тем чтобы подготовиться к отпору неизбежного нападения агрессора. Так, подписывая пакт о ненападении, Сталин прямо заявил немецкой делегации: «Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас»³³.

По мнению британского посла в Москве Криппса, советские руководители, наверное, надеялись, что смогут избавиться от опасности немецкого нападения, если Великобритания и Франция нанесут поражение Германии и так истощат её, что она окажется не в состоянии атаковать Советский Союз. В этой связи одной из задач при проведении программы вооружения ставилось достижение такого состояния готовности, при котором Германия побоялась бы принять решение о нападении. Однако данный вариант не устраивал Великобританию. Тот же Криппс считал: «Если бы этот результат был достигнут, то к концу войны СССР оказался бы на исключительно сильной позиции и вполне смог бы оказывать решающее влияние на европейские дела как единственное государство, оставшееся мощным и неистощённым»³⁴.

В случае отказа Москвы подписывать договор Берлин, скорее всего, заключил бы соглашение с Лондоном. Это был бы ещё один вариант всё той же мюнхенской политики, который в те дни озвучил Н. Чемберлен на заседании британского правительства: «Если Великобритания оставит господина Гитлера в покое в его сфере (т. е. в Восточной Европе), то он оставит в покое нас»³⁵.

Возможно, что Польша под возрастающим давлением из Лондона, Парижа, Рима, Токио и Вашингтона утратила бы свою самостоятельность мирным путём, и тогда германские войска вышли бы к границам

СССР. Гитлер не отправился бы сразу в поход на Советский Союз, как того хотели его «умиротворители», а продолжил бы, как это он и сделал в действительности, реализацию своих стратегических замыслов на западе. Вместе с тем к 22 июня 1941 г. или даже раньше Германия, вне всяких сомнений, создала бы свои военные плацдармы по периметру западных советских границ по состоянию на 1939 г., и тогда блицкриг развивался бы ещё более катастрофично для СССР, чем это было в условиях подписанного германо-советского договора о ненападении и дополнительного секретного протокола.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. На следующий день советский полпред в Варшаве Н. И. Шаронов посетил министра иностранных дел Польши Ю. Бека и, сославшись на интервью К. Е. Ворошилова от 27 августа, в котором упоминалось о возможной поставке Советским Союзом Польше военных материалов, спросил его, почему она не обращается к Советскому Союзу за помощью. Однако польскому правительству понадобилась целая неделя, чтобы дать послу в Москве В. Гжибовскому указания о вступлении по этому вопросу в контакт с Советским правительством³⁶. К этому времени исход войны между Германией и Польшей был уже очевиден.

При этом Варшава обращалась с настойчивыми просьбами о военной поддержке к Лондону и Парижу, с которыми имела договор о взаимопомощи. Великобритания и Франция ограничились лишь объявлением 3 сентября состояния войны с Германией, но, как и ожидал Гитлер, военной поддержки Польше ни на суше, ни в воздухе не оказали, оставив её один на один с агрессором.

По обязательствам, взятым Германией перед СССР в августе 1939 г., немецкие войска не должны были переступить линию Писса — Нарев — Висла — Сан. То есть польское государство могло временно сохраниться в урезанном виде, что отвечало интересам СССР, избегавшего географического соприкосновения с Германией. Однако события германо-польской войны внесли существенные коррективы в ситуацию. Германии не удалось, как планировалось, разгромить основные силы польской армии в западной части Польши, и часть польских войск отступила на восток. Преследуя их, германские войска перешли линию Писса — Нарев — Висла — Сан и стали двигаться дальше на восток в сторону советских границ. Германские войска могли быть возвращены на эту линию только в том случае, если им навстречу были бы выдвинуты советские войска. При таком развитии событий СССР становился как бы союзником Германии в его агрессии против Польши.

Ввиду того, что польское правительство, не подававшее заметных признаков жизни, как и польское государство де-факто перестали существовать³⁷, наркомат иностранных дел СССР заявил, что тем самым фактически прекратили своё действие и договоры, заключённые между Советским Союзом и Польшей.

По приказу главкома Красной Армии советские войска перешли границу. И это было сделано не для того, чтобы вступить в свою «сферу интересов» и опубликовать советско-германское коммюнике относительно «переустройства» Польши. Целью этой акции было: не позволить немцам оккупировать украинские и белорусские земли, которые Польша, воспользовавшись слабостью РСФСР, захватила в 1920 г., и взять под защиту, по сути дела, своих соотечественников, не по доброй воле оказавшихся в составе Польши.

Важно подчеркнуть, что Советское правительство исключало возможность оказаться в положении германского союзника и действовало строго в своих интересах. Поэтому после освобождения украинских и белорусских земель советские войска остановились на так называемой линии Керзона, которая ещё в 1919 г. была определена державами Антанты на этнографической основе как восточная граница Польши. Дальше этой линии советские войска не продвигались и собственно польские земли не занимали.

Наркомат иностранных дел СССР, учитывая, что Великобритания и Франция имели с Польшей договоры о взаимопомощи и находились в состоянии войны с Германией, направил московским посольствам этих западных стран ноты. В них подчёркивалось, что «СССР будет проводить политику нейтралитета в отношениях с этими странами». Тем самым снимались опасения Лондона и Парижа, что СССР может выступить на стороне Германии, т. е. против них.

Английское и французское правительства заняли реалистичную позицию в отношении ввода советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. Они сочли, что по своему договору с Польшей они не обязаны вступать в войну с СССР. Английский посол в СССР Криппс так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Советский Союз вступил в Польшу сразу же после того, как выяснилось, что альтернативой его вступлению может быть только полная оккупация немцами этой страны»³⁸.

Конечно, крах Польши был предопределён не германо-советским договором о ненападении, а её собственной внешней политикой, в основе которой лежала великодержавная идеология и стремление к территориальным захватам. Вместо того, чтобы после воссоздания своей национальной государственности стать фактором укрепления мира и безопасности в Европе, Польша поставила свой политический вес на службу сил агрессии и реванша. Действуя с ними заодно, она стремилась получить протекторат над интересующими её территориями на Украине и в Прибалтике. Глава германского внешнеполитического ведомства Риббентроп не без оснований рассчитывал, что его рекомендации и установки будут тотчас взяты на вооружение, когда в беседе со своим польским коллегой Ю. Беком подчёркивал: «Берлин надеется, что Польша займёт ещё более отчётливую антирусскую позицию, так как иначе у нас вряд ли могут быть общие интересы»³⁹.

Судьба Польши вызвала сильную обеспокоенность в прибалтийских государствах. Им удалось избежать нападения гитлеровских войск в сентябре 1939 г. только благодаря временной заинтересованности Гитлера в заключении с СССР договора о ненападении и выданным в соответствии с этим договором гарантиям неприкосновенности прибалтийских стран. Но если Германия не реализовала свои планы одновременного нападения на Польшу и прибалтийские государства, это вовсе не означало, что угроза германского вторжения в Прибалтику перестала существовать. К тому же по мере решения Гитлером задач по подготовке к войне с СССР неизбежно утрачивал своё значение

для немцев и германо-советский договор о ненападении, а вместе с ним и принятые в секретном протоколе обязательства.

В любой удобный для германской стороны момент договор мог быть расторгнут, а прибалтийские страны становились объектом прямой или косвенной агрессии Германии. Крах Польши и приближавшаяся война всё настойчивее ставили перед странами Прибалтики вопрос об оптимальной линии поведения, отвечавшей в создавшейся обстановке их национальным интересам. Однако представители авторитарных режимов этих стран и широкие народные массы отвечали на эти вопросы по-разному.

- ¹ Стенографич. отчёт XVIII съезда ВКП(б). — ОГИЗ, 1939. — С. 14.
- ² Sayers M., Kahn A.E. *The Great Conspiracy. The Secret War against Soviet Russia.* — Boston [USA, MA]: Brown & Co, 1946; издание на русском языке: Сейерс М., Кан А. *Тайная война против Советской России.* — М.: ГИИЛ, 1947. — С. 324, 325.
- ³ Hitler A. *Mein Kampf.* — München, 1936. — S. 742.
- ⁴ *Archiv für Aussenpolitik und Länderkunde.* — September 1938. — S. 483.
- ⁵ Стенографический отчёт XVIII съезда ВКП(б). — ОГИЗ, 1939. — С. 13.
- ⁶ Sējējs. — 1938. — No. 11. — 1140. lpp.
- ⁷ *Foreign Relations of the United States. The Soviet Union 1933–1939.* Washington, 1952. — P. 945.
- ⁸ Там же, P. 939.
- ⁹ *Коммунист Советской Латвии.* — 1959. — № 9. — С. 28.
- ¹⁰ Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. — С. 121.
- ¹¹ *Documents diplomatiques français. 1932–1939. Ser. 2.* Paris, 1981. Т. 15. — P. 131–133.
- ¹² Цит. по: Сиполс В. *Тайная дипломатия.* — Рига, 1968 — со ссылкой на Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР ф. 1313 г. оп. 20, д. 140, л. 332.
- ¹³ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Сентябрь 1938 г. — август 1939 г. Документы и материалы. — М., 1971. — С. 282–283.
- ¹⁴ *Latvijas Kareivis.* — 1939. — 4. IV.
- ¹⁵ Meiksins G. *The Baltik Riddl.* — New York, 1943. — P. 101.
- ¹⁶ Цит. по: Сиполс В. *Тайная дипломатия.* — Рига, 1968. — С. 277 — со ссылкой на ЦГИА ЛатвССР, ф. 5114, оп. 1, д. 1654, л. 178; ф. 3235, оп. 1/22, д. 226.
- ¹⁷ См.: Дюков А.Р. «Пакт Молотова–Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». — М., 2009. — С. 37–43.
- ¹⁸ Эти позиции были озвучены в докладе В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г.
- ¹⁹ Colvin I. *Vansittart in Office.* — London, 1968. — P. 322.
- ²⁰ Niedhart G. *Grossbritannien und die Sowjetunion. 1934–1939.* — München, 1972. — S. 62.
- ²¹ *Вопросы истории.* — 1989. — № 4. — С. 182–183.
- ²² Официальная Рига не останавливалась ни перед чем, чтобы продемонстрировать свою лояльность Берлину. 22 мая 1939 г. власти организовали пышные торжества по случаю 20-летия «освобождения от большевиков» латвийской столицы. Как отмечал видный латвийский политический деятель М. Вульфсон, «в этом празднике вместе с освободителями-ландесверовцами участвовали и части СС, специально прибывшие на военных кораблях из Германии. По существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам». См.: Вульфсон М. 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. — Рига, 2002. — С. 69.
- ²³ *Rīts.* — 1939. — 8. VI.
- ²⁴ Mourin M. *Les relations franco-sovietiques, 1917–1967.* — Paris, 1967. — P. 236.
- ²⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. — М, 1957. Т. I. — С. 469; Т. II. — С. 345.
- ²⁶ *Die Weizsäcker — Papiere 1933–1950.* — F./M., 1974. — S. 176.
- ²⁷ *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945.* Т. I. — С. 175.
- ²⁸ Сиполс В. *Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной 1939–1941.* — Москва, 1997. — С. 111.
- ²⁹ См.: *Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941.* — М., 2009. — С. 209–214.
- ³⁰ См. <http://www.mfa.gov.lv>
- ³¹ Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945).* — Rīga, 2008. — 114., 115. lpp.

- ³² Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной 1939–1941. — Москва, 1997. — С. 103.
- ³³ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. — М., 1990. — Т. 2. — С. 107.
- ³⁴ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса от 27 сентября 1941 г. на имя Идена, полученный Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путём // *Международная жизнь*. — 2007. — № 3. — С. 126.
- ³⁵ Public Record Office (Государственный архив Англии, Лондон), Cab. 23/100, P. 375.
- ³⁶ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington, 1956. — P. 307.
- ³⁷ Осенью 1939 г. Москва считала, что Польша прекратила свое существование как субъект международного права, однако большинство юристов-международников, в том числе и те, кто поддерживает концепцию воссоединения украинских и белорусских земель, признают сохранение *de jure* польского государства после 17 сентября 1939 г. См., например: Макачук В. С. События сентября 1939 года в свете доктрины интер темпорального права и права на «самопомощь» // *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* / Н. А. Нарочницкая, В. М. Фалин и др. — М.: Вече, 2009. — С. 246–249.
- ³⁸ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса от 27 сентября 1941 г. на имя Идена // *Международная жизнь*. — 2007. — № 3. — С. 126.
- ³⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939. — М., 1981. — Т. 2. — С. 10–11.